Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

На этом кровавом фоне мы представим читателю (попеременно) несколько силуэтов, по наружному облику – человеческих, по злодействам – адских чудовищ. Из них первое место принадлежит женщине, уже не молодой, но статной, красивой. О хитрости и лукавстве Екатерины Медичи автор выразился такого рода прогрессией: «Итальянцы лукавы вообще, жители Тосканы – в особенности; из тосканцев лукавейшие – флорентийцы, из последних лукавейшею и хитрейшею женщиной была Екатерина Медичи!»

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22
  - ○ 23

- ○ 24
- ○ 25

Кондратий Петрович Биркин
Екатерина Медичи. Карл IX

Братья Гизы, герцог Франциск и Карл, кардинал Лотарингский. – Альберт Гонди. – Мария Туше (1560–1574)

Последние сорок лет шестнадцатого века и первое десятилетие семнадцатого были ознаменованы во Франции кровавыми распрями между католиками и протестантами, или, как их тогда называли, *гугенотами.*[1] Бешеное изуверство с одной стороны, неуступчивость – с другой; обоюдные интриги, нетвердость в слове, взаимное предательство и вероломство; войны, сменявшиеся постоянно нарушаемыми перемириями; наконец, Варфоломеевская ночь и избиение гугенотов, поглотившее во Франции свыше семидесяти тысяч невинных жертв фанатизма; знаменитая *Лига,* отточившая ножи двум цареубийцам, – таковы характеристические черты этой страшной эпохи.

На этом кровавом фоне мы представим читателю (попеременно) несколько силуэтов, по наружному облику – человеческих, по злодействам – адских чудовищ. Из них первое место принадлежит женщине, уже не молодой, но статной, красивой. На лице ее приветливая улыбка, в белой руке, увешанной четками, кубок яду; на полной, высокой груди, на одной и той же золотой цепочке, крест со святыми реликвиями, волшебные амулетки и ладанки с заклинаниями.

Черные, пламенные глаза обращены к небу – не для благоговейного созерцания, а для обретения в нем ответа на вопрос о будущем. Утро эта женщина посвящает молитве или, правильнее, чтению узаконенного числа молитв; день – государственным делам; вечером она совещается с астрологами, чернокнижниками, алхимиками и знахарями, снабжающими ее косметическими снадобьями… и ядами; ночью она предается порывам необузданного сладострастия. По изуверству – Изабелла Испанская, по кровожадности – Паризадита персидская, по властолюбию – Агриппина римская, по распутству – Клеопатра египетская, – женщина эта, вдова короля французского Генриха II, королева-родительница, – *Екатерина Медичи.* Тридцать лет (с 1559 по 1589 г.) именами своих сыновей – Франциска II, Карла IX и Генриха III – участью государства располагала она, играя в правительстве при королях ту же самую роль, которую в древних капищах играли жрецы, скрывавшиеся в пустых истуканах,

называвшихся оракулами. Единодушные проклятия сопровождали ее в гроб; современники Екатерины и их правнуки не могли без ужаса вспоминать о ней; однако же с веками взгляд на нее изменился. Нашлись историки, которые, обсуждая деяния Екатерины, отважились замолвить слово в ее пользу, а трудолюбивый историограф-компилятор Капфиг[2] в наше время явился адвокатом королевы-злодейки перед судом потомства. По его словам, Екатерина была совершенно права во всех своих интригах, явных и тайных преступлениях, кровавых распрях, ею разжигаемых, даже в резне Варфоломеевской ночи. Все это, по мнению Капфига, было необходимостью, единственным рациональным средством умиротворения Франции. С точки зрения людей, для которых плахи, виселицы и расстреливания – верные средства умиротворения; которые, например, в парижской бойне 2 декабря 1851 года видят геройский подвиг и гениальность, – с точки зрения подобных господ Екатерина Медичи, разумеется, великая женщина; спорить с ними было бы пустой тратой времени. «Таков был век», – говорят другие снисходительные судьи в оправдание Екатерины, но и это оправдание нелепо, и оно не лучше предыдущего. Тит, цезарь римский, жил за полторы тысячи лет до Екатерины Медичи, однако же снискал себе прозвище утешителя рода человеческого…

О роде тосканских деспотов Медичи существуют два сказания: то есть историческое и ложное, фантастическое, сплетенное лестью. Приводим и то и другое как одинаково заслуживающие внимания читателя. Историки Павел Иовий и Гвиччардини фактически доказывают, что родоначальником фамилии Медичи был флорентиец, врач-шарлатан, торговавший разными лекарственными снадобьями и этим наживший огромное состояние. Пользуясь смутами, свирепствовавшими в республике, благодаря своему золоту, врач втерся во дворянство, заменив свое малоизвестное имя фамилией *Медичи,*[3] намекая на свою прежнюю профессию. Кроме того, он сочинил себе герб, состоявший из щита с изображением на нем пяти шариков, в которых нетрудно угадать пилюли. Внуками и правнуками врача-дворянина были герцоги урбинские и великие герцоги тосканские: Алессандро, Джулиано, Козимо, Лоренцо, Франциск – и Папы Римские Лев X и Климент VII. Стыдясь откровенности предка, потомки, гордые собственными заслугами, никак не хотели сознаться, что их фамилия происходит от слова «медик», что пять шариков на их гербе не что иное, как прозаические пилюли…

Геральдика, вечная угодница гордости, вывела герцогов из

неприятного положения, протрубив во все концы Европы нижеследующую сказку о происхождении герба великих герцогов тосканских.

Одновременно с Геркулесом, удивлявшим своими подвигами Грецию, в Италии жил великан-богатырь по имени Муджелло. Этот герой, соперничая с сыном Алкмены, имел с ним довольно частые столкновения, обыкновенно оканчивавшиеся обоюдными потасовками, из которых однако же Муджелло почти всегда выходил победителем. Однажды во время ратоборства Геркулес ударил своей палицей по щиту противника, и от этого удара на щите образовалось пять круглых впадин. Так, по словам геральдики, произошел герб Медичи. Сказание, как видит читатель, весьма остроумное, не лишенное своего рода поэзии, положительно невероятное и, может быть, по этой самой причине принятое в Европе XVI века без апелляции. Говорят, впрочем, будто нашлись скептики, заметившие, что если бы шарики на гербе Медичи произошли от удара палицы, то они были бы вдавлены внутрь, а не выпуклы; но на это геральдика отвечала презрительным молчанием – и весьма умно сделала. Что касается нас, мы придерживаемся первого сказания, то есть что предок Медичи был врач и что пять шариков на их гербе изображают пилюли; если Павел Иовий (историограф-взяточник, за щедрые благостыни писавший какие угодно панегирики) не заслуживает веры, то Гвиччардини правдив, насколько может быть правдивым летописец XVI века.

Известно, что характер предка запечатлевается на потомках до третьего и четвертого колена, даже далее. Всматриваясь в семейство Медичи, нетрудно угадать в некоторых его членах родство с врачом-эмпириком. Врач всего прежде должен быть образован – Козимо, Лоренцо и Папа Лев X любили науки и покровительствовали ученым; Франциск всю свою жизнь занимался алхимическими опытами. Екатерина, как мы уже говорили, была весьма сведуща в изготовлении всяких ядов, косметических средств, в особенности же выказывала непреодолимую страсть ко всякого рода *кровопусканиям*… Это ли не достойнейшая правнучка своего пращура? Аптекарь миланец Рене и астролог Козимо Руджиери были ее бессменными спутниками на грязном поприще интриг любовных и политических. Кроме ядов и возбудительных средств, Екатерина Медичи орудием своей политики употребляла и систематический разврат, имея для того верных помощников и сотрудниц в лице своих фрейлин. Это великая женщина? Протестант, парижский книгопродавец *ГенрихЭтьенн* (или, как он латинизировал свое имя, Стефанус), автор любопытного памфлета о жизни Екатерины

Медичи, недаром сказал о ней (хотя и немножко резко) в своем вступлении: «Я, некоторым образом, боялся перепачкать себе руки и почувствовать тошноту, раскапывая эти смрадные мерзости!»[4]

О хитрости и лукавстве Екатерины Медичи автор выразился такого рода прогрессией: «Итальянцы лукавы вообще, жители Тосканы – в особенности; из тосканцев лукавейшие – флорентийцы, из последних лукавейшею и хитрейшею женщиной была Екатерина Медичи!»

Единственная дочь славного Лоренцо Медичи, племянница папы Климента VII, Екатерина родилась во Флоренции в 1519 году. По обычаю того времени при появлении ее на свет астрологи, в том числе знаменитый Василий-математик, составили ее гороскоп, и все в один голос объявили, что Екатерина будет виновницей гибели того семейства, в которое со временем попадет. Испуганные родственники решили не выдавать ее ни за кого замуж и обрекли ее на вечное одиночество. Когда ей исполнилось одиннадцать лет и она была отправлена в Рим, ее родные совещались о том, куда ее пристроить, – одни предлагали повесить в корзинке на зубцах городской стены под неприятельские выстрелы; другие, не менее жестокие, – отдать в дом разгула; третьи – заточить в монастырь. К счастью для Екатерины и к несчастью для Франции, последнее мнение превозмогло. Три года она провела в стенах монастыря, откуда была вызвана дядей Климентом VII для выдачи замуж за Орлеанского герцога Генриха, второго сына короля французского Франциска I. Этот брак, чисто политический, был заключен во вред и назло императору Карлу V и ради увеличения областей Франции присоединением к ним герцогства Миланского, *обещанного* Климентом VII в приданое за Екатериною. Свадьбу праздновали 28 октября 1533 года в Марселе, куда невеста прибыла с многочисленной свитой обоего пола итальянских пройдох, подобно ей самой, приехавших во Францию искать счастия, почестей и поживы. Нам уже известен быт двора Франциска I, при котором тогда в полном блеске сияла герцогиня д'Этамп, окруженная целой армией льстецов и приверженцев. Другая, слабейшая партия группировалась вокруг дофина Франциска; третью, ничтожнейшую, составляли сторонники герцога Орлеанского, имевшие во главе своей Диану де Пуатье… Мысль первенствовать при дворе при этой неблагоприятной обстановке была бы чистейшим безумием, особенно со стороны нового лица, только что принятого в королевскую семью. Екатерина как нельзя лучше выпуталась из этого неловкого положения: раболепствуя перед державным своим свекром и его

полудержавной фавориткой, она льстила дофину, ласкала любовницу своего мужа, Диану де Пуатье, держала себя перед всеми тише воды, ниже травы и, таким образом, ладила со всеми. Своей итальянской челяди она выхлопотала выгодные места при большом дворе и при дворе дофина Франциска; к последнему, между прочим, попал в мунд-шенки некто Себастьян Монтекукколи, которому особенно протежировала Екатерина. Дофин полюбил угодливого итальянца и не мог достаточно нахвалиться его усердием. В 1536 году летом, сопровождаемый Себастьяном, дофин отправился в Лион и здесь недели через две, забавляясь игрою в лапту, сильно вспотев, выпил стакан холодной воды, поданный ему услужливым Монтекукколи. Эта неосторожность имела самые гибельные последствия: через пять дней дофин скончался от воспаления легких. Болезнь, бесспорно, весьма обыкновенная, но, несмотря на это, итальянского мундшенка притянули к ответу. При обыске в его квартире найдена была книга о ядах, по объяснению Монтекукколи, ему необходимая, так как он по своей должности мундшенка обязан был знать, какие напитки вредны, чтобы в случае нужды оказать необходимую помощь. Этим объяснением не могли удовлетвориться; Монтекукколи, заподозренного в отравлении дофина, пытали. Итальянец показал под пыткою, что он отравил дофина по наущению клевретов императора австрийского Карла V; лютейшие истязания не могли у него исторгнуть никаких дальнейших подробностей. Отравитель был четвертован в Лионе 7 октября 1536 года; яростная чернь разнесла его труп по клочьям и побросала их в Рону. Гроб дофина послужил супругу Екатерины Медичи ступенью к престолу: Генрих, герцог Орлеанский, был объявлен дофином. Это *первое* преступление флорен-тийки, искусно замаскированное благодаря упорству преданного ей Монтекукколи, не может подлежать сомнению, несмотря на опровержения многих историков. *Воспаление легких,* как увидим далее, было исключительной болезнью, от которой умирали соперники и соперницы Екатерины Медичи: брат Колиньи, кардинал Шатийон, видам[5] шартрский, Антоний де Круа, принц Порсиан (Porcian), Жанна д'Альбре, мать Генриха IV, и чуть ли не сам Карл IX, так как и его смерть, по многим уважительным причинам, была нужна Екатерине Медичи.

Возвышение Генриха и превращение его из герцога Орлеанского в наследника престола умножили его партию и придали смелости его фаворитке Диане де Пуатье; главная же виновница этого переворота по-прежнему оставалась в тени и чуть что не в загоне. Негодуя на нее за продолжительное ее неплодие, Генрих в первый год воцарения помышлял о разводе и

отсылке ее на родину. Узнав об этом, королева решилась прибегнуть к покровительству Дианы де Пуатье, которая действительно взяла ее сторону в своих личных интересах. В царствование своего супруга Генриха II Екатерина Медичи как-то стушевывалась и умалялась сперва перед Дианой, а потом Гизами, дофиной Марией Стюарт, даже Сарой Флеминг-Левистон. Нам точно так же уже известно, что и в кратковременное царствование Франциска II дела Франции прибрали к рукам братья Гизы. Действительное начало владычества Екатерины совпадало с восшествием на престол ее девятилетнего сына Карла IX стараниями фаворита его матери Альберта Гонди (впоследствии маршала Ретца), уже развращенного и бездушного изверга. Карла, когда он был младенцем, забавляли петушиными боями и звериными травлями; Карл-отрок находил особенное наслаждение одним взмахом палаша отсекать головы кошкам, баранам и жеребятам (значит, руку набивал, и то занятие!). На охоте лютостью и зверством десятилетний Карл мог потягаться с самым закоренелым ловчим, умел отлично трубить в охотничий рог, подковывать лошадей и стрелять необыкновенно метко, впоследствии, сознавая в себе отсутствие чувства жалости, он этим хвалился, часто повторяя ок– ружающим бессмысленную аксиому: «Жесток тот, кто милосерд; тот милосерд, кто жесток!» (C'est cruante d'ктre clement, c'est clemence d'ктre cruel). Кроме этого милого молодого человека, в королевском семействе Валуа были еще герцоги: Анжуйский (впоследствии Генрих III) и Алансонский; принцессы Елизавета (просватанная за испанского инфанта дона Карлоса, но выданная за его отца, короля Филиппа II) и Маргарита, впоследствии супруга короля Генриха IV. Все они, наследовав от отца и матери их пороки, были с юных лет испорчены воспитанием при дворе, при котором распутство считалось достоинством, а любовные интриги доблестями… Таковы были последние Валуа.

После смерти короля Франциска II во главе правоверной католической партии красовались братья Гизы, герцог Франциск и Карл, кардинал Лотарингский; во главе партии гугенотов – адмирал Колиньи и принц Людовик Конде. Антуан Бурбон, король наваррский, коннетабль Монморанси и маршал Сент-Андре образовали третью партию, *умеренных,* то есть не служивших ни нашим, ни вашим, а собственным своим интересам. Канцлер Мишель де л'Опиталь, единственная добрая и благородная личность, до этого времени участвовавшая в делах внутренней политики, по проискам Гизов был удален, а с его удалением для борьбы двух партий открылось свободное поле. Очень хорошо понимая, что как Гизы, так и Конде со своими

приверженцами стремятся к достижению королевской короны, Екатерина Медичи решила поддержать вражду в тех и других в полной надежде, что соперники погубят друг друга и поле сражения останется за нею.

На первый случай она сблизилась с Антуаном Бурбоном и Конде, предоставив первому важный сан правителя. Гугеноты восторжествовали, а герцог Гиз, оскорбленный этой несправедливостью, удалился в Лотарингию. Всячески потворствуя гугенотам, Екатерина при каждом удобном случае высказывала живейшее сочувствие их вероисповеданию, допустила торжественное собрание духовных лиц, католиков и протестантов, для диспута о догматах в августе 1561 года (colloque de Poissy). Пользуясь благосклонностью королевы, гугеноты стали притеснять католиков, и тогда Екатерина вместе с королем наваррским присоединилась к партии Гизов, призвав герцога Франциска в Париж. Ненавистник гугенотов ознаменовал свой путь к столице избиением протестантов в Васси (в Шампани), чем отдалил всякую надежду на миролюбивое соглашение враждовавших партий. Чтобы последовательно рассказать об адских интригах этого времени, чтобы выбраться из этого лабиринта, в котором ноги по колена вязнут в лужах крови, нужно иметь перо даровитого аббата Верто или Сен-Реаля. Следя за ходом междоусобия, мы невольно отдалились бы от героини нашего очерка и легко могли бы потерять ее из виду. Возвратимся же к ней и попытаемся передать читателю все уловки и увертки этой змеи, по рассказам Соваля, в его любопытной истории любовных интриг королей французских.[6]

Пригласив к своему двору короля наваррского, а с ним и принца Конде, Екатерина Медичи пустила в ход все обольщения любви и неги для успешнейшего подчинения себе начальников партии, враждебной Гизам. Она ослепила своих гостей пышными праздниками, домашними спектаклями, на которых ее фрейлины, являясь в виде полунагих нимф и мифологических героинь, исполняли самые сладострастные танцы, способные поколебать нравственные правила самого сурового стоика. Двум красавицам, девице Руэ (Rouet) и девице де Лимейль, королева поручила во что бы то ни стало вскружить головы королю наваррскому и принцу Конде, и обе девицы принялись за дело с усердием, а главное – с опытностью достойных прислужниц лукавой флорентинки. Та и другая шли разными путями к одной и той же цели. Мадемуазель Руэ явно выказывала свою симпатию Антуа-ну Бурбону; мадемуазель Лимейль, напротив, отзывалась о принце Конде с самой невыгодной стороны, твердя всем и каждому, что разве только с отчаяния можно решиться иметь такого

несчастного обожателя. Простодушный король наваррский дался в обман и, позабыв о своей милой жене Жанне д'Альбре, доброй и заботливой матери его детей, Генриха[7] и Екатерины, увлекся, как юноша, и привязался к мадемуазель Руэ со страстью, тем сильнейшей, что она держала себя с ним неумолимо строго. Эта строгость, спешим оговориться, была не чем иным, как самым хитрым расчетом, так как в это же самое время один из придворных кавалеров, д'Эскар, пользовался неограниченной благосклонностью лукавой кокетки. Филипп II Испанский, зорко следивший за ходом междоусобий во Франции, через своего посланника Манрикеца предложил королю наваррскому свой союз и содействие с условием, чтобы он развелся с Жанной д'Альбре, женился на Марии Стюарт и вытеснил протестантов из Франции. Это предложение разбивало в прах все замыслы Екатерины Медичи. Не теряя времени она поручила мадемуазель Руэ употребить все зависящие от нее средства для расстройства предполагаемого союза короля наваррского с Испанией и Шотландией. Покорная велениям своей государыни, верная фрейлина принудила Антуана Бурбона к отказу, уступив наконец его страстным желаниям… Плодом этой любви был Карл Бурбон, впоследствии архиепископ Руана, признанный и провозглашенный королем под именем Карла X во время мятежей Лиги.

Между тем война кипела; города из рук гугенотов переходили в руки католиков; первых преследовали Гизы, вторым не давали пощады Колиньи и Конде. Король наваррский, смертельно раненный под стенами Руана, умер 7 октября 1562 года близ Андильи на руках Екатерины Медичи, поручая ей своих детей и супругу. Заливаясь слезами, королева клятвенно обещала заботиться о них как о своих единокровных. Начало 1563 года было ознаменовано событием кровавым, но для Екатерины Медичи радостным. Адмирал Гастон де Колиньи, которого не так-то легко было обольстить ласками фрейлин или очаровать балетами да домашними спектаклями, решился избавить гугенотов от их непримиримого гонителя, герцога Франциска Гиза, посредством тайного убийства. Гиз, взяв Руан и одержав над гугенотами блестящую победу при Дрё, подступил к Орлеану. В это самое время к нему явился бедный дворянин-гугенот Польтро дю Мере с предложением своих услуг против своих же единоверцев. Гиз принял переметчика как нельзя лучше и согласился оставить у себя на службе. Дня через два после того, 15 февраля, поздним вечером Гиз вместе с приближенным своим Ростенгом проходил по лагерю. Внезапно из ближайшего куста сверкнул выстрел, и Гиз упал со стоном, тяжело раненный, как

впоследствии оказалось, отравленной пулей.[8] Убийца Польтро дю Мере был тотчас же схвачен, подвергнут допросу, пыткам. На последних он показал, что действовал по наущению адмирала Колиньи, снабдившего его деньгами и советами. Герцог Франциск Гиз умер на девятый день после раны (24 февраля), убийца был четвертован; что же касается до Колиньи, несмотря на все улики, он, по распоряжениям Екатерины Медичи, даже не был привлечен к ответственности. У королевы не хватило духу мстить тому, кто избавил ее от такого могучего врага, каким был герцог Гиз; к тому же до самого Колиньи тогда еще не дошла очередь. 18 марта 1563 года королева заключила с гугенотами мир в Ам-буазе. Интрига фрейлины Лимейль с принцем Конде, на время войны прерванная, возобновилась с прежней силой. Коварная сирена созналась, что злословила с принцем единственно потому, что досадовала на его равнодушие к ней. На это признание Конде отвечал ей самыми страстными уверениями в любви и вечной верности. Супруга принца, до слуха которой дошли нерадостные вести о неверности Конде, затосковала и умерла с горя. Искательницей руки вдовца явилась, кроме девицы Ли-мейль, вдова недавно убитого на войне маршала Сент-Андре, прочившая перед тем свою дочь за старшего сына покойного Гиза, Генриха. Отказав обеим невестам, Конде женился на Франциске Орлеанской, сестре герцога Лонгвиля. Екатерина Медичи, досадуя на девицу Лимейль за неудачное ее сватовство, удалила ее от двора в Оссонский монастырь минориток, где изгнанница разрешилась от бремени мертвым младенцем, а потом вышла замуж за своего давнишнего обожателя Жофруа де Козак, сеньора де Фремон. Вообще этот год после недавних войн был годом торжеств Амура и Гименея; двор Екатерины Медичи для героев междоусобиц был тем же, чем для войск Ганнибала их развратительница Капуа: королева старалась прикрывать розами и миртами те могилы, которые она в это же время готовила гугенотам! Она сама, несмотря на свои сорок четыре года, не довольствуясь дорого покупаемыми ласками своего возлюбленного Альберта Гонди,[9] сошлась с братом Франциска Гиза, кардиналом Карлом Лотарингским.

В 1565 году Карл IX, объявленный совершеннолетним, вместе с матерью, братьями и Генрихом, двенадцатилетним сыном покойного короля наваррского, ездил по разным областям Франции и, между прочим, посетил Байонну, где Екатерина Медичи виделась и совещалась с любимцем Филиппа II, страшным герцогом Альбой. На тайном совещании (подслушанном сыном покойного Антуана Бурбона) кровопийца Нидерландов, испанский палач-генералиссимус от имени

достойного своего государя предложил Екатерине Медичи умиротворить волнующуюся Францию посредством повторения в ней *сицилийской вечерни,* то есть истребить гугенотов так, как французы были истреблены во времена оны в Палермо. Это предложение, разумеется, пришлось как нельзя более по сердцу Екатерине Медичи, и, таким образом, в голове ее возникла и созрела мысль избиения гугенотов, осуществленная в роковую и позорную для Франции ночь св. Варфоломея. Генрих Бурбон немедленно уведомил свою мать Жанну д'Альбре, принца Конде и адмирала Колиньи о страшных замыслах Екатерины. По предложению престарелого вождя своего гугеноты решили захватить королевскую фамилию в плен при обратном ее возвращении в Париж, куда она прибыла однако же 29 сентября совершенно благополучно благодаря надежной охране бывшего при ней большого отряда швейцарцев. Опять начались междоусобицы, но на этот раз ознаменованные постоянными поражениями гугенотов: 10 ноября 1567 года коннетабль Монморанси разбил их при Сен-Дени; затем после перемирия в Лонжюмо они опять были побеждены при Жарнаке (13 марта 1569 года) и Монконтуре (3 октября). Аржанс, взявший принца Конде в плен при Жарнаке, честным словом заверил его в милосердии к нему короля и пощаде его жизни, но, несмотря на это, в ту минуту, когда пленный принц следовал за ним верхом и обезоруженный, на него сзади напал гвардейский капитан Монтескью и пистолетным выстрелом размозжил ему голову. Так по повелению Екатерины Медичи были сведены счеты с опаснейшим из всех ее соперников. Еще года за два перед этим королева пыталась отравить его посредством яблока, побывавшего в руках ее парфюмера, миланца Рене,[10] но неудачно: лейб-медик принца Конде доктор Ле Лон, подозревая злой умысел, не дозволил ему прикоснуться к отравленному плоду, а, отрезав небольшой кусок и завернув его в хлебный мякиш, дал съесть собаке, которая через несколько минут околела в жестоких судорогах. Лицо самого доктора, имевшего неосторожность только понюхать отравленное яблоко, на несколько дней опухло.[11] Яд Рене, как видит читатель, был надежный, но пуля Монтескью оказалась и того лучше. Одновременно с неудавшейся попыткой отравить принца Конде слуга адмирала Колиньи Доминик д'Альб по поручению Екатерины пытался отравить адмирала и его брата д'Андело, однако же вовремя принятое противоядие спасло Колиньи от смерти; брат же умер 27 мая 1569 года. Отравителя схватили, он сознался во всем и по повелению Карла IX был колесован… надобно полагать – за неловкость. Ссылаясь на признание своего

слуги-предателя, адмирал Колиньи мог бы, конечно, задать Екатерине Медичи довольно неприятный для нее вопрос касательно ее соучастия в этом черном деле, но смолчал по деликатности, так как и его не беспокоили расспросами после убийства герцога Гиза.

Третий мир между католиками и гугенотами был подписан в Сен-Жермене 15 августа 1570 года. На этот раз, несмотря на явный перевес партии Екатерины Медичи и Карла IX над партией Колиньи и Жанны д'Альбре, гугенотам были даны все те права, которых они домогались, и предоставлена совершенная свобода вероисповедания и богослужения. Кардинал Лотарингский, даже тот выказал необыкновенную кротость и уступчивость. «Это недаром! Тут что-нибудь да не так!» – говорили дальновиднейшие приверженцы Колиньи, влагая в ножны свои мечи, иззубренные в бою и потускневшие от крови фанатиков-иноверцев. Жанна д'Альбре вместе с сыном удалилась в свое наваррское королевство; адмирал Колиньи отправился на отдых в кругу семьи в родное поместье.

Здесь на минуту остановимся, чтобы сказать несколько слов о первой любви короля Карла IX, из жестокосердного ребенка ставшего теперь девятнадцатилетним юношей-извергом, совершеннолетним и для злодейств, и для грубых наслаждений, о которых смутное понятие было ему внушено еще в лета безгрешного младенчества. За развитием его страстей, за первым ударом его сердца, забившегося любовью, следила королева-родительница, следили и ее прелестные фрейлины. Первая, верная своей системе развращать с политической целью, рекомендовала сыну заблаговременно некоторых из *своих* девиц в надежде приобрести верную шпионку в фаворитке королевской. К совершенной досаде заботливой матери, Карл, не обратив внимания на ее доморощенных казенных красавиц, выбрал себе фаворитку из народной среды, обратив первый страстный взгляд на дочь орлеанского аптекаря Марию Туше, фламандку по происхождению, полную двадцатилетнюю блондинку. Утром он ее увидел, а вечером Ла Тур, гардеробмейстер короля, привел красавицу в его комнату. Менее всего склонный к идеальной любви, чуждый всякого чувства изящного, не имевший ни малейшего понятия о стыдливости женской, так как он вырос в кругу бесстыдниц, Карл IX был слишком нетерпеливым циником, чтобы тратить время на переговоры и сентиментальные объяснения. До своего сближения с Карлом IX Мария Туше была неравнодушна к Монлюку, брату епископа Валенцского, и, сделавшись фавориткой, продолжала вести с ним переписку. Узнав об этом, король (как повествует Соваль), желая убедиться в

истине, употребил хитрость. Он созвал к себе на ужин придворных дам и девиц, в том числе Марию Туше, и в то же время приказал шайке цыган, призванной для увеселения компании, тихонько отрезать от поясов присутствующих дам их кошельки. Цыгане удачно исполнили это поручение, и Карл, обыскав кошелек своей фаворитки, нашел в нем письма Монлюка. Уличив Марию и прочитав ей дружеское наставление, король внушил ей быть ему верной и впредь не шалить. Сдержала ли Мария Туше данное ему слово или продолжала вести переписку с должной осторожностью, неизвестно, но как бы то ни было, более не попадалась с поличным. Король мало-помалу привязался к ней, особенно после рождения ею сына, и по-своему любил горячо до самой своей смерти. К чести Марии Туше, прибавим, что она не употребляла во зло влияния на Карла IX, не выводила в люди своих близких и дальних родственников, даже сама не домогалась ни титулов, ни щедрых даяний. Когда шли переговоры о браке Карла IX с австрийской принцессой Елизаветой и портрет последней был прислан жениху, Мария Туше, взглянув на изображение будущей королевы, потом в зеркало, сказала с усмешкой: «Ну, эта немка мне не опасна!» Действительно, бедная Елизавета, кроткая, добрая, но некрасивая, в течение четырех лет замужества не сумела ни привязать к себе своего супруга, ни охладить его к Марии Туше. Какой-то придворный грамотей, желая польстить фаворитке, составил из ее имени MARIE TOUCHET любезную анаграмму: JE CHARME TOUT (я все очаровываю), что отчасти было даже справедливо, так как никто из придворных не мог пожаловаться на обходительность фаворитки. Выбор короля был весьма счастливой случайностью или делом весьма умного расчета. Что было бы с королевством в это несчастное время, если бы фавориткою короля была какая-нибудь госпожа вроде герцогини д'Этамп или одна из казенных красавиц, рекомендованных ему его услужливой маменькой?

С самого начала 1570 года Екатерина Медичи была занята множеством государственных дел, одно важнее другого. Возникли какие-то интимные отношения с польским дворянством, и в то же время кардинал Шатийон (брат Колиньи) вел переговоры об избрании герцогу Анжуйскому в супруги королевы английской; с римским и испанским дворами шла деятельная секретная переписка… Вероятно, о подавлении восстания в Нидерландах. На донесения правителей французских областей о частых столкновениях между гугенотами и католиками королева не отвечала никакими особенно строгими инструкциями; напротив, всего чаще оправдывала гугенотов, подтверждая права, данные

им недавними эдиктами умиротворения. Парижский кабинет, очевидно, желал сохранить самое доброе согласие с адмиралом Колиньи и Жанной д'Альбре, единственными защитниками кальвинистов. При всем том смутное предчувствие чего-то страшного тревожило сердца людей осторожных, не доверявших этому затишью и принимавших его за предтечу бури. Суеверов беспокоили «небесные знамения», то есть явления кометы, метеоров; частые северные сияния и необыкновенные ураганы, о которых в летописях того времени сохранилось множество чудесных, фантастических россказней. Астрологи предрекали в близком будущем новые распри и кровопролитнейшие побоища; в *книге «Центурий»* покойного Мишеля Нострадамуса отыскали несколько четверостиший весьма зловещего содержания.[12] Вся Франция была в напряженном состоянии томительного, лихорадочного ожидания горя или радости… «Радости», – поспешила ответить Екатерина Медичи, возвестив своим верным подданным о предстоящем бракосочетании Карла IX с Елизаветой Австрийской. Желая сделать соучастниками семейной своей радости и католиков и гугенотов, королева радушно пригласила на брачное торжество тех и других. Было много званых, но мало избранных. На свадьбе Карла IX приверженцы Колиньи и Жанны д'Альбре блистали своим отсутствием; довольствуясь миром, гугеноты, очевидно, избегали тесного сближения с католиками, не обращая внимания на любезности и заигрывания Екатерины Медичи. Старик Колиньи беспрестанно напоминал окружавшим, что королевский двор со всеми своими обольщениями в мирное время едва ли не опаснее ратного поля во время усобиц, и в подтверждение истины своих слов указывал на недавние примеры покойных Антуана Бурбона и Людовика Конде. Жанна д'Альбре, женщина честная, еще красавица, несмотря на годы, но строгих правил, инстинктивно ненавидела двор, при котором, как она писала к своему сыну, «женщины сами вешаются на шею мужчинам».[13]

В начале 1571 года Екатерина Медичи радушнейшим образом опять приглашала к себе адмирала и королеву наваррскую, обещая первому доверить предводительство над войсками, которые намеревалась тогда послать на помощь Фландрии; но Колиньи и Жанна д'Альбре опять уклонились от приглашения королевы-родительницы. Видя, что это не помогает, она отправила к Жанне д'Альбре в качестве чрезвычайного посланника маршала Бирона с предложением руки принцессы Маргариты сыну Жанны д'Альбре, Генриху. Брак этот, по мнению Екатерины Медичи, был единственным средством для

окончательного примирения всех партий, религиозных и политических; в дозволении Папы Пия V не могло быть ни малейшего сомнения, так как его святейшество, по словам маршала Бирона, душевно желал примирения партий, волновавших Францию. Это сватовство, льстившее самолюбию вдовы Антуана Бурбона, соответствовавшее ее задушевному желанию видеть со временем своего сына на французском престоле, поколебало ее недавнюю решимость отнюдь не сближаться с семейством Валуа. В то же время Колиньи, уступая просьбам своих друзей, принца Нассауского и маршала Коссе, согласился ехать в Блуа, где тогда находились Карл IX и Екатерина Медичи со всем двором. На это последнее обстоятельство указывал маршал Бирон как на явное доказательство искренности и любви королевы-родительницы. «Она сама и державный ее сын, – говорил маршал Жанне д'Альбре, – не колеблясь делают первый шаг к родственному свиданию с вами. Зачем же вы будете оскорблять их ничем не извинительным недоверием?» Вдовствующая королева наваррская более не колебалась, изъявила маршалу свое согласие на предполагаемый брак, вместе с тем обещая приехать ко двору в непродолжительном времени. Прием, оказанный Карлом IX адмиралу Колиньи, превзошел все его ожидания. «Это счастливейший день в моей жизни! – восклицал король, бросаясь адмиралу на шею. – Я вижу моего милейшего папашу. Наконец-то вы в наших руках, наконец-то вы наш, и теперь, как хотите, а уже мы вас не выпустим!» Затем Карл IX объявил дорогому гостю, что поздравляет его с назначением членом Государственного совета, жалует 50 тысяч экю на покрытие путевых издержек, уступает ему движимое имущество недавно умершего в Англии кардинала Шатийона[14] и весь годовой доход с недвижимого. Не менее щедрыми милостями были осыпаны прибывшие с адмиралом дворяне-гугеноты и молодой зять его Телиньи. В знак особенного почета и для удостоверения его в личной безопасности адмиралу было разрешено иметь при себе отряд телохранителей из полусотни алебардистов; но это еще не все: единственно в угоду своему *папаше* 14 октября 1571 года Карл IX именным указом подтвердил гугенотам своего королевства все прежние права с присоединением многих новых льгот и привилегий. Остальные сыновья Екатерины Медичи, ее дочь и она сама ласкали Колиньи, угождали ему и ухаживали за стариком так, как ухаживают за богатым дедом недостойные внуки, то есть с нежностью, доходящей до приторности; с угодливостью, впадающей в докучливость. Тронутый Колиньи, приняв все эти ласки за чистую монету, доверился с простодушием ребенка. Это было торжество

флорентийской политики Екатерины Медичи, наконец-то поймавшей старого льва в свои сети, сплетенные на этот раз из шелка и золота. Обольстив лицемерием своим старика адмирала, Карл IX приготовился к свиданию с Жанной д'Альбре. Он сам с Екатериной Медичи и блестящей свитой выехал к ней навстречу в Бургейль, со слезами радости целовал ей руки, называя возлюбленной тетушкой, обожаемой красавицей. А вечером того же дня спрашивал у своей достойной родительницы:

– Хорошо ли я сыграл мою рольку? (Ai-je bien joue mon petit rolet?)

– Как нельзя лучше, – отвечала Екатерина, – но что же дальше?

– Дальше увидите сами; главное дело сделано. Как опытный охотник, я заманил птичек в западню, остальные залетят сами!

В Париже король и его родительница в одно и то же время одинаково деятельно занялись устройством великолепных праздников и перепиской с римским двором о разрешении Маргарите выйти за гугенота, короля наваррского. Пий V медлил ответом; Жанна д'Альбре сомневалась в успехе, но Карл IX успокаивал ее словами: «Сестра Марго будет за Генрихом, хотя бы Папа Римский лопнул с досады! Если же он не позволит, тогда мы обойдемся и без его позволения; я не гугенот, но также и не дурак; вы же и сестра для меня, конечно, дороже, нежели его святейшество!» Для устранения, однако, всяких недоразумений решили отправить в Рим для переговоров о браке кардинала Карла Лотарингского,[15] а в ожидании категорического ответа тешили Жанну д'Альбре и всех ее приверженцев, съехавшихся в Париж, пирами да балами. Екатерина Медичи, как добрая, радушная хозяйка и нежная мать, заботилась и о доставлении гостям всевозможных удовольствий, и о заготовлении приданого своей милой Марго, совещаясь о последнем пункте со своей возлюбленной сватьюшкой Жанной д'Альбре. Наряды последней, щегольские для скромного беарнского двора и приличные для королевы наваррской, были не довольно богаты и изящны для двора короля французского. Та же внимательная, обходительная Екатерина Медичи давала дружеские советы Жанне д'Альбре насчет ее туалета, дарила ей обновы, снабжала духами, пышными фрезами по моде того времени, перчатками, вышитыми шелком и золотом. Сорокалетняя королева наваррская по своей красоте и моложавости казалась не матерью, но сестрой юного Генриха Бурбона; ее величавость и полнота не мешали ей в танцах отличаться ловкостью и грацией. Скрепя сердце, однако, королева наваррская принимала участие в придворных празднествах,

вполне сознавая всю их пустоту, сумасбродную роскошь и нравственную распущенность, замаскированную этикетом. Ее не покидала мысль, чтобы Генрих вместе с Маргаритой немедленно после бракосочетания уехал из Парижа в родимый Беарн или Нерак, где образ жизни хотя и гораздо проще и не было при тамошнем дворе сотой доли той роскоши, которая владычествовала при дворе парижском, но зато где люди похожи на людей, а не на раззолоченных кукол или ненасытно сластолюбивых обезьян. Бедная Жанна д'Альбре еще не знала, что двор Екатерины Медичи и Карла IX не только царство разврата, но прямой разбойничий притон, из которого добрых людей живыми не выпускают.

Четвертого июня 1572 года городской глава Марсель давал великолепный бал королевской фамилии в здании парижской ратуши. Праздник продлился далеко за полночь, а на заре, по возвращении в Лувр, Жанна д'Альбре почувствовала себя плохо. Призванные доктора объявили, что у королевы наваррской воспаление легких… Обращаем внимание читателя на это обстоятельство: тридцать шесть лет тому назад от воспаления легких скончался сын Франциска I по милости своего мундшенка Мон-текукколи. При первом же известии о болезни Жанны д'Альбре Екатерина Медичи сказала окружающим, что королева навар-рская, *вероятно,* простудилась, так как в последние дни много выезжала, несмотря на ненастную и холодную погоду. Было бы гораздо вероятнее, если бы Екатерина сказала, что на больной, бывшей на балу в ратуше, были надеты перчатки, раздушенные миланцем Рене, и высокий крахмальный воротник с фрезами, опрысканный ароматами той же лаборатории… На пятый день, 9 июня, Жанна д'Альбре скончалась. Вскрытие показало паралич легких – неизбежное следствие воспаления, причины же воспаления не нашли; так и порешили, что во всем была виновата простуда. Генрих Наваррский, Колиньи и все дворяне-гугеноты были в ужасе, подозревая отравление; Екатерина Медичи и Карл IX успокаивали их, ссылаясь на показания людей ученых и сведущих, между прочим, на свидетельство знаменитого Ам-бруаза Паре, которое должно было рассеять всякие сомнения. Колиньи, а за ним и другие (кроме Генриха) поверили, что Жанна д'Альбре скончалась своей смертью, по воле Божией.[16] На старого адмирала тогда точно затмение нашло; он верил коварным речам короля французского, ласкам его матери, но не верил очевидности. Кардинал Пельве, клеврет Карла Лотарингского, бывшего в Риме, уведомил о подробностях заговора против гугенотов; последние перехватили письмо, уличавшее злодеев, – и этому письму Колиньи не

поверил! Он ссылался на неизменную к нему внимательность Карла и Екатерины, на их охлаждение к Генриху Гизу, на досаду и негодование последнего. В конце июля прибыло из Рима письмо от кардинала Лотарингского с давно желанным разрешением Папы Пия V на бракосочетание короля наваррского с Маргаритой; письмо подложное, написанное кардиналом единственно для ускорения страшной развязки заговора против гугенотов, сопряженного с этой свадьбой. От этого греха его святейшество дал кардиналу свое пастырское разрешение – цель оправдывала средства. Гугеноты, разумеется, не усомнились в подлинности папского благословения на брак короля наваррского и стали целыми семьями стекаться в Париж на близкое торжество… Расчеты Карла IX были верны; сбылись его слова, сказанные Екатерине: «*Я заманил птичек в западню, остальные залетят сами*».

Восемнадцатого августа совершилось бракосочетание короля наваррского Генриха Бурбона с Маргаритой Валуа и сопровождалось пышными празднествами. Тут произошло то желанное слияние партий, которого так жаждали – хотя и с противоположными целями – Колиньи, Карл и Екатерина Медичи. Гугенот пил из одного бокала с католиком; жены и дочери дворян наваррских порхали в танцах вместе с фрейлинами и статс-дамами Екатерины Медичи, и как невинность доверчиво подавала руку разврату, так будущие убийцы шутили и смеялись со своими ничего не подозревавшими жертвами.

Гугеноты со своими семьями веселились и плясали над вулканом, прикрытым блестящим паркетом ярко освещенного Лувра. Сияя самодовольной улыбкой, король Франции и королева-родительница для каждого гостя находили ласковое слово, любезность, лестный комплимент и в то же время разменивались выразительными взглядами со своими сообщниками… Кровавая трагедия готовилась под этой личиною веселой комедии! Праздник сменялся праздником, один бал другим, и если бы в те времена существовали в Париже газеты, подобные нынешним французским, то нет ни малейшего сомнения, что какой-нибудь фельетонист-лизоблюд отпустил бы стереотипную фразу: «Эти дни ликования парижского двора были днями радости всей столицы»… Бывали политические злодейства во все века вообще, в шестнадцатом в особенности, но чтобы убиению нескольких тысяч жертв предпослать пиры, заставлять плясать свои жертвы, поить их, откармливать буквально на убой, чтобы потом перерезать, надругаться над ними… до подобного цинизма в злодействе могли дойти только Екатерина Медичи и достойное ее отродье Карл IX! Дня через три после свадьбы,

ранним утром, в кабинете короля происходило таинственное совещание между ним, Екатериной и Генрихом Гизом.[17] О чем именно они говорили, мы поймем, проследив путь последнего от Лувра до своего дома. По возвращении от короля Гиз, призвав к себе гвардейского капитана, преданного ему Морвеля, и бывшего своего наставника Вилльмюра, объявил им, что король и королева «разрешили ему *то,* о чем он их просил». В ответ на это Морвель вынул из кармана две медные пули и показал их Гизу; осмотрев их с видом знатока, герцог возвратил их Морве-лю с придачею кошелька, туго набитого золотом. Потом, приказав Вилльмюру позаботиться об устройстве *всего* как следует, отпустил обоих клевретов. На другой день (в пятницу 22 августа) адмирал Колиньи по окончании заседания в Государственном совете возвращался домой через улицу Бетизи, где встретил короля. Взяв адмирала под руку, король пригласил его на партию в лапту (jeu de paume), на нарочно устроенную для игры эспланаду, на которой в это время находились Генрих Гиз и Телиньи, зять адмирала. Окончив игру, Колиньи, сопровождаемый двенадцатью дворянами из своей свиты, пошел домой обедать и дорогою читал какую-то бумагу, переданную ему королем. На углу улицы Св. Германа Оксеррского путники были оглушены выстрелом из мушкетона, раздавшимся в нескольких шагах из окна дома Вилльмюра. Колиньи зашатался: одна из медных пуль раздробила ему указательный палец правой руки, другая сильно поранила левую. Наскоро перевязав раны, опираясь на прислужников, Колиньи кой-как дотащился до дому, откуда немедленно послал нарочного к Карлу IX с известием обо всем случившемся. При первых словах вестника король побледнел и с художественно подделанным отчаянием вскричал:

– Опять! Нет, это уже слишком… Этому не будет конца! Пора до корня истребить эти проклятые распри!..

Король наваррский и принц Генрих Конде поспешили навестить раненого и присутствовали при перевязке. Лейб-хирург Амбруаз Паре признал необходимым отнять палец, но ампутировал так неловко, что причинил адмиралу невыразимые страдания. Старик однако же мужественно перенес операцию и, благодаря Бога за сохранение жизни, послал тысячу золотых экю для раздачи бедным гугенотам своего прихода. От адмирала Генрих и Конде отправились в Лувр к королю, покорнейше прося его отпустить их из Парижа.

– Нет, нет, ни за что! – перебил Карл IX.-Этого преступления нельзя оставить без наказания, и вы обязаны присутствовать при производстве следствия. Клянусь вам честью и Богом, что убийца будет наказан примерно и так, что его муки отобьют у

мятежников дальнейшую охоту покушаться на жизнь моих друзей!..

– Непременно, непременно! – подтвердила Екатерина Медичи. – Если это дело оставить без последствий, то наконец и мы в Лувре не будем уверены в нашей безопасности.

Немедленно по королевскому повелению все парижские заставы, за исключением двух, были закрыты; всем временным жителям столицы – гугенотам, знатным и простым, – было приказано переселиться в квартал, где находился дом адмирала, чтобы находиться под охраной его стражи, теперь усиленной. О всех этих *благодетельных* распоряжениях король сообщил адмиралу лично, посетив больного со всем двором. Герцог Анжуйский и Екатерина плакали, увидя раненого старика, а король, ударяя себя в грудь, твердил:

– Милый батюшка, я страдаю душой так, как вы – телом! Меня злодеи ранили, меня оскорбили вместе с вами!

– Благодарение Господу, – произнесла Екатерина, подымая глаза к небу, – что он сохранил нам нашего бесценного Ко-линьи!

– Как – бесценного? – усмехнулся старик. – Давно ли вы, государыня, предлагали 50 тысяч экю за мою голову? К слову сказать, этим же самым искателям моей гибели вы теперь поручили исполнение эдикта умиротворения по областям, почти несоблюдаемого…

– Папаша, не сердитесь, бога ради! – перебил заботливо король. – Теперь вам вредно сердиться. Клянусь вам честью, мы назначим новых комиссаров и все-все уладим к совершенному вашему удовольствию.

Колиньи завел речь о походе в Нидерланды против испанцев, но Екатерина и Карл, уклоняясь от ответа, только убеждали его беречь себя, клялись Богом и честью разыскать убийцу и предать его самым адским истязаниям. Перед отъездом в Лувр король сказал адмиралу, что для совершеннейшей его безопасности он прикажет оцепить его дом, и действительно прислал стражу под начальством Коссена (Cosseins), заклятого врага Ко-линьи и ненавистника гугенотов. Вечером у адмирала было собрание всех его друзей и приверженцев. Жан де Феррьер, видам шартрский, объявил, что покушение на жизнь адмирала – первый акт трагедии, которая окончится избиением всех родных и друзей; напомнил о подозрительной кончине королевы навар-рской, о странных мероприятиях для безопасности гугенотов… Как в древней Трое Кассандра предостерегала семейство Приама, но никто не послушал ее советов, так ни друзья Колиньи, ни он сам не обратили внимания на пророческие слова вида-ма; Телиньи особенно горячо защищал короля, ссылаясь на его клятвы и

уверения. То же самое повторилось и на другой день (в субботу 23 августа), когда к голосу Телиньи присоединились Генрих Конде и король наваррский.

Между тем и в Лувре происходили совещания – совсем иного рода. Карл, Екатерина, герцоги Анжуйский, Неверский, канцлер Бираг, Таван, Гонди и *пригулок* Ангулемский[18] обсуждали важный вопрос: убить или пощадить при предстоящей резне Конде и короля наваррского?

– Увидим, как разыграется дело! – порешил Карл IX.

В послеобеденную пору около Лувра показались толпы вооруженных людей весьма подозрительной наружности. На вопрос короля наваррского король французский отвечал, что это все проделки Гизов, замышляющих что-то недоброе, «но я их угомоню», – успокаивал он своего зятя. Заметив, что во дворе Лувра тридцать шесть дрягилей сносят копья, бердыши и мушкетоны, Генрих тревожно спросил: «Что это значит?» – «Приготовления для завтрашнего спектакля!» – двусмысленно отвечал ему сын Екатерины Медичи. Он опять навестил Колиньи, опять уверял его в своем искреннем участии и жаловался ему на Гиза, бог весть по какой причине решившего удалиться из Парижа. Еще с утра особые комиссары ходили по домам, составляли перепись живших в них гугенотов, уверяя последних, что все это делается по королевскому повелению для их же собственной пользы. Городские обыватели-католики в это же самое время неведомо зачем нашивали себе белые бумажные кресты на шляпы и перевязывали левые руки платками; одни точили топоры, другие осматривали замки у мушкетонов и лезвия у мечей; на расспросы своих жен и дочерей отвечали мрачными улыбками. Тихо догорел жаркий день, и вскоре ночной мрак стал опускаться на постепенно смолкавший город, по окнам домов замигали огоньки, башни собора Богоматери и соседних храмов, чернея на темном небе, казались исполинами, стерегущими обывателей. Часу в одиннадцатом Генрих Гиз оцепил Лувр швейцарскими стражами, приказав им не пропускать слуг короля наваррского или принца Конде. Купцы и цеховые, вооруженные чем попало, собирались в залах городской ратуши, где купеческий старшина Жан Шарон, клеврет Гиза и Екатерины Медичи, говорил им речь, проникнутую фанатизмом, и призывал к отмщению гугенотам за все минувшие мятежи, а главное – за их неуважение к истинной вере Христовой… Карл IX, бледный, дрожа всем телом, расхаживал по своему кабинету, изредка выглядывал из окна на набережную, кое-где освещенную фонарями, кровавыми искрами отражавшимися на черных зыбях тихо плескавшейся Сены. Сидевшая у стола Екатерина Медичи со

спокойствием закоснелой злодейки медленно говорила сыну:

– Не раздумывай, пользуйся случаем, подобный которому не представится более… Отступить – значило бы погубить себя и все наше семейство. Смерть еретиков спасет не только нас, но и все королевство… Приказы по областям разосланы и должны быть приведены в исполнение завтра же, на заре; столица должна подать пример всем прочим городам!..

Время близилось к полуночи. При всей таинственности, которой злодеи окружали свои умыслы под покровом ночи, весть о сборище войск во дворах Лувра и вокруг дворца дошла до квартала, где жил Колиньи. Некоторые из его приближенных отправились к Лувру узнать о причине сборища, но у самых ворот часовые перегородили им дорогу; на расспросы гугенотов грубая солдатчина отвечала ругательствами… Несчастные потребовали караульного офицера, и тот явился – за тем, чтобы приказать солдатам угомонить незваных гостей. Первые жертвы кровопийц пали под ударами бердышей усердной швейцарской стражи.

– Дух войск превосходный! – донесла Екатерина своему сыну, узнав о начале убийств. – Надобно ковать железо, пока оно горячо; раздумывать нечего!..

Удар набата в церкви Св. Германа Оксеррского прервал речь королевы-родительницы, через несколько минут с ревом колокола слился смутный гул тысячи голосов, ропот народных волн, разлившихся бурным потоком по улицам. Со смоляными факелами и оружием в руках солдаты, горожане и яростная чернь устремились на кварталы, в которых приютились гугеноты…

Глядя в эту минуту на Париж, можно было подумать, что в нем празднуют свой шабаш сотни демонов, извергнутых преисподней. Но мы оставим на время Лувр с Екатериной и Карлом, стоявшими у растворенного окна, и посмотрим, что в эту минуту происходило в доме адмирала Колиньи.

Движимый чувством мщения за убийство своего отца – убийство, в котором Польтро дю Мере был орудием адмирала Колиньи, – герцог Генрих Гиз с пригулком Ангулемским и вооруженным отрядом устремился в квартал, где жили гугеноты. Ворвавшись во двор дома Колиньи, Гиз именем короля требовал, чтобы спутникам его отворили дверь. У адмирала в это время находился Амбруаз Паре и перевязывал раны, нанесенные старику два дня тому назад Морвелем.[19] Услыхав необыкновенный шум, бряцание оружия во дворе и заметив красноватый отблеск факелов сквозь опущенные оконные занавеси, адмирал поручил одному из своих приближенных узнать о причине… Треск ломаемых убийцами парадных дверей предупредил ответ убитого посланного; остальное досказали

слуги, толпой вбежавшие в спальню адмирала.

– Спасайтесь, отец наш! Это Гиз и убийцы!.. – кричали они обожаемому ими Колиньи. – Смерть ваша стучится у дверей!..

– Я давно готов принять эту гостью, – невозмутимо отвечал Колиньи. – Мне, искалеченному, дряхлому, без того немного жить и бежать трудно, а лучше спасайтесь вы сами…

Чувство самосохранения подавило в слугах адмирала чувство привязанности; многие из них бежали на чердак, оттуда пробрались на кровли дома, некоторые спаслись.

В эту самую минуту бывшие в отряде Гиза капитан Аттен (Attin), Бем (Besm), Сарлабу и несколько солдат с проклятьями всходили на лестницу и шли прямо к спальне адмирала, который, поднявшись с кресел, в халате, с рукою на перевязке, вышел к ним навстречу.

– Ты адмирал? – спросил Бем на ломаном французском языке (он был уроженец эльзасский), приставляя факел к самому лицу старика.

– Молодой человек, – отвечал Колиньи, – имей уважение к моим сединам…

Вместо ответа Бем схватил его за бороду, воткнул ему шпагу в живот, а потом несколько раз ударил эфесом по голове и по лицу; примеру Бема последовали бывшие с ним солдаты – и Колиньи пал под их ударами.

– Бем, покончил ли? – крикнул Гиз, стоявший во дворе.

– Конечно! – отозвался тот, выглянув в окно.

– Бросай его сюда…

Труп Колиньи, покрытый ранами, залитый кровью, был выброшен из окна во двор, к ногам Гиза и пригулка Ангулемского. Они, носовыми платками отерев окровавленное лицо мертвеца и внимательно осмотрев его и перевязанные руки трупа, убедились, что жертва не избегла своей роковой участи, несколько раз пнули покойника ногами в лицо и, сев на коней, ускакали в город, где вместе с герцогом Неверским, Таванном и Гонди ободряли убийц словом и собственным примером. Труп Колиньи на заре был отвезен на живодерню Монфокона и повешен на железных цепях головою вниз на тамошней каменной виселице.[20]

Дня через три Карл IX, Екатерина Медичи, герцог Анжуйский и многие дамы и девицы ездили полюбоваться этим зрелищем. Сохранилось предание, что здесь Карл IX в ответ на замечание кого-то из присутствовавших о зловонии уже разложившегося трупа отвечал, смеясь:

– Пустяки, пустяки! Труп врага всегда хорошо пахнет!

Нам пришлось бы написать целую книгу, если бы мы

вздумали подробно перечислить все злодейства Варфоломеевской ночи и представить читателю именной список жертв обоего пола и всякого возраста. Участи Колиньи подвергся его зять Телиньи, умерщвленный отрядом герцога Анжуйского; приближенные Конде и Генриха Наваррского, дворяне Сегюр, барон Пардайян, Сен-Мартен, Бурс, капитан Пилль убиты Нансеем, капитаном королевской стражи, в стенах Лувра, под окнами королевского кабинета, из которых любовались резней Карл IX и его матушка… Любовались! Этого мало: королю вид крови и стоны умирающих внушили остроумную мысль придать убийствам окончательно вид охотничьей травли и, таким образом, соединить приятное с полезным. Призвав в кабинет своего биксеншпан-нера (заряжальщика ружей на охоте) с двумя мушкетонами и приказав ему заряжать их поочередно, Карл IX стрелял из окна в бежавших по набережной гугенотов, сваливая их меткими пулями, будто зайцев. Бледный, с пеной у рта, но с улыбкой самодовольства, его величество король Франции кричал убийцам диким голосом:

– Бей! бей! Стреляйте в них, черт побери! (True! True! Tirons, mordieu!)

Столь ревностно возлюбленный сын римской церкви служил двум своим повелителям, то есть Римскому Папе и флорентийке Екатерине Медичи. Она сама блаженствовала в эти минуты, опьяневшая от запаха крови, очарованная воплями и выстрелами, казавшимися ей чудной симфонией. На другой день убийств (продолжавшихся последнюю неделю августа, весь сентябрь, до половины октября) королева-родительница со своими фрейлинами любовалась нагими трупами убиенных обоего пола, делая при этом замечания весьма игривого свойства о тайных прелестях покойных. Соединяя неслыханные злодейства с делом богоугодным, королева-родительница и сын ее приказали раздать окровавленные одежды, содранные с убитых, беднейшим жителям города Парижа, и те щеголяли в шелках, бархатах и кружевах, не отмытых от крови прежних владельцев. Этот подарок был назван *кровавой милостыней.*[21]

Из всей королевской семьи одна Маргарита, королева наваррская, выказала себя женщиной с сердцем. Дворянин Тежан, раненный убийцами, обессилевший от боли и отчаяния, бросился в спальню Маргариты, и она скрыла его у себя под кроватью! Знаменитый Амбруаз Паре был пощажен единственно благодаря тому обстоятельству, что в это время лечил Карла IX от сифилиса…[22]

Кроме королевского семейства, запятнавшего себя навеки невинной кровью мучеников Варфоломеевской ночи, прославились усердием и зверством нижеследующие герои:

любовник Екатерины Медичи, Альберт Гонди, собственноручно удавил в Бастилии статс-секретаря Марциала де Ломени, владельца версальского замка, чтобы овладеть его поместьями. Фаворит Маргариты, Бюсси д'Амбуаз, умертвил своего двоюродного брата, маркиза Ренеля. Миланец Рене вламывался в лавки богатых купцов-гугенотов, предлагая им спасение за громадный выкуп; когда же несчастные отдавали ему все свои сокровища, Рене резал их, как овец. Профессор университета Шарпантье, соперник славного ученого Петра Рамуса (Pierre de la Ramee), предал его в руки убийц и взбунтовавшихся школьников. Дряхлого Рамуса замучили в страшных истязаниях, секли розгами и волочили по улицам обнаженный его труп! Золотарь Томас Круазе собственноручно убил 400 человек гугенотов, а мясник Пезон убивал их теми же самыми приемами, как быков, то есть сначала оглушал их ударом молота по голове, а потом перерезал горло… Таким образом Пезоном истреблено было 120 человек. Сардинский граф Коконна покупал живых гугенотов, захваченных солдатами, обещая несчастным спасение, если они согласны отречься от кальвинизма; отказавшихся душил, а отрекавшихся закалывал кинжалом, говоря им: «Это-то мне и надобно: души отступников идут прямо к черту в лапы!»

Домов было разграблено свыше шестисот; число убитых простиралось до десяти тысяч; женщины, девушки, дети, разумеется, подвергались сначала зверскому насилованию, и их убийству предшествовало осквернение. Трупы в течение нескольких дней свозили возами на берега Сены и сваливали в воду; зарывали в ямы за городом, жгли или бросали на съедение собакам! Королевское повеление об истреблении гугенотов, разосланное по областям Франции недели за две до Варфоломеевской ночи, к чести человечества, еще не повсеместно было исполнено. Губернатор байонский отвечал отказом, а Монморен (Montmorin), начальник военного овернского округа, писал Карлу IX следующее письмо:

«Государь! Я получил приказ, скрепленный печатью вашего величества, об убиении всех протестантов, находящихся в подведомственной мне провинции… Слишком уважаю ваше величество, чтобы не догадаться, что приказ этот – подложный; если же – чего Боже сохрани! – он действительно от вас, то опять же уважение к вам запрещает мне повиноваться!»

Жена Карла IX Елизавета Австрийская во все продолжение убийств плакала и молилась в своей уединенной спальне, окруженная немногими прислужницами. Прислушиваясь к выстрелам, визгу убиваемых женщин, детей, воплям их мужей и отцов и реву убийц-каннибалов, бедная королева шептала:

– Да что же государь, супруг мой, не уймет их? Как же он позволяет совершать такие злодейства?!

Несчастная долго не могла поверить, что убийства не только были *позволены* Карлом IX, но были *приказаны* им.

Утром 24 августа принц Конде и Генрих, король наваррский, которым Карл IX грозил смертью, дали ему слово отступиться от кальвинистской ереси; 26 августа в соборе Парижской Богоматери было отслужено благодарственное молебствие, при котором король торжественно хвалился *победой,* одержанной над гугенотами. Манифестом парламента все убиенные были *приговорены* к смертной казни… Пример едва ли не единственный в истории обратного действия смертного приговора. Убийства, как уже говорили, продолжались; кто из гугенотов мог, тот бежал за границу, но пойманных беглецов и укрывавшихся казнили. Так, дворяне рекетмейстер Кавань и Брикемо вечером 20 октября были повешены на площади городской ратуши в присутствии Карла, Екатерины, принцесс и всего двора, при свете факелов, вместе с куклой, изображавшей Колиньи. Брикемо было от роду семьдесят пять лет!..

Вся Европа, за исключением России, Испании и Италии, содрогнулась от ужаса и негодования при вести о кровавых событиях в королевстве французском. Равнодушию предков наших была причина самая уважительная: им нечего было ужасаться на Варфоломеевскую ночь, когда для них самих тогда были *Ивановы дни,* то есть, говоря яснее, тогда в России свирепствовал Иван Грозный. Испанский король Филипп II возрадовался истреблению гугенотов во Франции. На организацию Варфоломеевской бойни и вообще на поддержку религиозных междоусобий Филиппом II, по собственному его признанию в его духовной,[23] была в течение шести лет (1566–1572) потрачена невероятная сумма – *шестьсот миллионов золотых.* Папа Григорий XIII «возрадовался зело» поражению врагов церкви, Пия V уже не было в живых, Бог не привел его дожить до этой радости.[24] Зато Григорий XIII праздновал великое событие молебствиями, крестными ходами, пальбою с крепости Св. Ангела, иллюминацией Рима и, наконец, медалью с надписью: «Избиение гугенотов» (Ugonotarum strages). Кардинал Лотарингский, бывший тогда при ватиканском дворе, подарил вестнику, прибывшему из Парижа от герцога Омальского, 10 тысяч золотых экю и задал великолепный пир на весь мир. Скажем в заключение, что изуверы в своем ослеплении были душевно убеждены в том, что резня гугенотов – подвиг великий и богоугодный. До нас дошли сотни брошюр в стихах и в прозе, оправдывавших, одобрявших злодейства Екатерины Медичи и

Карла IX… Авторами этих гнусных панегириков были: в Риме – Камилло Капи-лупи; во Франции – Жан Монлюк, историограф Франциск Белль-форе, Леже Дюшен, Шантлув, написавший трагедию «Адмирал Колиньи», в которой вывел покойного прямо сообщником «диа-вола и аггелов его»… Иезуиты вообще явились защитниками преступлений короля и королевы французских. При Людовике XV, в 1758 году, аббат Кавейрак не постыдился написать апологию Варфоломеевской ночи; а в 1819 году какая-то семинарская гадина написала то же самое во французском журнале «Консерватор» (Le Conservateur)… Да зачем ходить так далеко: спросите в наше время у любого клерикала: какого он мнения о Варфоломеевской ночи? И можете быть уверены – одобрит и выразит pium desiderium о повторении (repetatur)…

Польское дворянство, имевшее намерение избрать себе в короли Генриха Анжуйского, брата Карла IX, призадумалось, так как палачей на польском троне еще не бывало… Немалых трудов и расходов стоило Екатерине Медичи уговорить панов и магнатов не лишать короны ее возлюбленного детища. Генриху Анжуйскому в 1573 году пришлось ехать в Польшу через Палатинат, где нашли себе приют многие гугеноты и, между прочим, родные Колиньи. Электор-палатин, принимая у себя во дворце второго сына Екатерины Медичи со всеми подобающими почестями, подвел его к портрету старика, под которым на золотой раме было написано латинское двустишие: «Такова была наружность героя Колиньи, так же славно жившего, как и умершего».[25]

– Знакомо вам это лицо? – спросил электор своего гостя.

– Это покойный адмирал Колиньи, – отвечал смущенный Генрих.

– Да, храбрый, честный, благороднейший Колиньи, истерзанный в Париже извергами! – с жаром подтвердил электор и продолжал с усмешкой: – Я дал у себя приют его друзьям и детям, чтобы и их не загрызли на родине французские псы!

Генрих робко осмотрелся. Его в эту минуту окружили гугеноты, одни – с улыбками презрения, другие – с угрожающими взглядами.

Сын Екатерины покраснел от стыда; с его подленькой мордочки только осыпались румяна, которыми она была щедро оштукатурена; Генрих побледнел от страха, вообразив, что гугеноты, мстя за Колиньи, не погнушаются выпачкать себе руки его грязной, гнилой кровью…

Но они удовольствовались единственно непонятной Генриху Валуа моральной ему пощечиной.

О смерти Карла IX 30 мая 1574 года существует три сказания. Первое гласит, что он умер подобно своему деду, Франциску I, в чем, по многим причинам, можно усомниться; второе предание тоже не совсем вероятно, так как в нем заметен элемент фантастический, приплетенный к истине ради нравоучения. По этому сказанию, на Карла IX каждую ночь нападала изнурительная испарина, мало-помалу перешедшая в кровавый пот, от которого он и скончался, несмотря на все старания докторов. Третье предание, вероятнейшее, приписывает смерть Карла IX грудной болезни, которой он страдал более года. История сохранила подробности агонии короля, доказывающие, что перед смертью, в виду вечности, в сердце его пробудилось что-то похожее на угрызения совести. Он умирал на руках находившейся при нем безотлучно своей кормилицы (гугенотки), простой крестьянки, и дня за два до смерти тревожно метался, проклиная тех, которые подстрекнули его на убийства, дико озираясь потухающими взорами… Ему мерещились убитые гугеноты: Ко-линьи, Ла Рошфуко, Пардайян и те полунагие беглецы по набережной, в которых он стрелял из окон Лувра… Что толку в подобном бесплодном раскаянии? Оно для Франции было тем бесполезнее, что Екатерина Медичи злодействовала после Карла IX еще пятнадцать лет, по прежней своей программе, увеличивая длинный список прежних жертв многими новыми, как увидим, переходя теперь к царствованию преемника Карла IX, его брата Генриха III, бежавшего по зову матери из Польши для занятия французского престола.

notes

Примечания

1

В истории Франции Пьера Матьё (Pierre Matthieu. Histore de France sous Francois I et Henri II. Paris, 1 631, 2 vol. In fol.) происхождение слова гугенот объясняется тем, что прибывшие ко двору Франциска I посланники из Германии для ходатайства за угнетенных лютеран начали свою речь фразой: «Мы сюда пришли» (hus nos venimus…). Первые два слова – гук нос (hus nos) – рассмешили присутствовавших придворных, давших прозвище гукносов сначала посланникам, а после того – всем без различия иноверцам, то есть и лютеранам и кальвинистам. Постепенно слово «гукнос» перешло в «гугнот», «гугенот». По другому толкованию, весьма сомнительному, это слово произошло от имени короля Гугона, тень которого являлась в Париже во время первого гонения лютеран в царствование Франциска I. Из двух этимологий предоставляем любую на выбор читателя. Третье мнение, общепринятое, будто слово «гугенот» происходит от заставы Св. Гугона в Туре, у которой происходили сборища кальвинистов; четвертое, будто «гугенот» – искажение eidgenossen (связанный присягой), совершенно неосновательно.

2

C a p e f i g u e s. Les Reines de la main droite: Catherine de Medicis. P., 1860, in 80.

3

M e d i s i – ит. «врачи».

4

J’ai craint de souiller aucunement mes mains et me faire mal au coeur en remuant et sentant une matiиre tant vilaine et puante (page 4). Мы делали выборки из этой книги с возможной осмотрительностью, так как она написана противником Екатерины и приверженцем гугенотской партии. Заглавие ее: Discours merveilleux de la vie, actions et dйportements de Catherine de Medicis etc. P., 1649, petit in 6.

5

Начальник епископских войск и главный управитель духовных имений.

6

S a u v a l. Les amours des rois de France. La Haye, 1738, in 12. T. 1, p. 271 et seq.

7

Будущего короля Генриха IV.

8

Брат Франциска Гиза, кардинал Лотарингский, умер от горячки 26 декабря 1574 года. Де Ту в своей истории подозревает, будто его отравила Екатерина Медичи посредством духов, которыми опрыскала подаренный ему кошелек с редкими монетами; но это несправедливо. Связь Екатерины с кардиналом продолжалась до самой его кончины. О подробностях см.: Journal de Henri III par P. de l'Etoile ed. La Haye, in 12, 1746, p. 112–115 et nota 55.

9

Альберт Гонди родился во Флоренции 4 ноября 1522 года и вместе с отцом переселился в Лион, где первый содержал банк, но дважды разорялся. Мать Гонди, воспитывавшая детей Екатерины Медичи, привела Альберта ко двору, где королева отплатила ему за связь с нею званиями наставника короля Карла IX и обер-камергера. Плохой воин, но порядочный дипломат, он пользовался покровительством Генриха III, пожаловавшего ему орден Св. Духа и возведшего из маршала Ретца в генералиссимусы. Он умер 12 апреля 1602 года. Никакими заслугами Гонди не мог искупить злодейства, совершенные им во время гонения гугенотов. Брат его Пьер, родившийся в Лионе в 1533 году, благодаря протекции Альберта был канцлером и милостынераздавателем супруги Карла IX, елизаветы Австрийской, а в 1587 году пожалован в кардиналы. Умер 17 февраля 1616 года. По душевным качествам был несравненно лучше старшего брата и зла никому не делал.

10

Придворный парфюмер и аптекарь Екатерины Медичи Рене был миланец, а не флорентиец, как ошибочно называют его в своих романах даровитый Дюма и его бездарнейший подражатель Понсон дю Террайль.

11

Discours merveilleux, etc. p. 19–21.

12

Н о с т р а д а м у с (1503–1566) для Франции то же, что у нас Брюс или Мартын Задека. Какую богатейшую пищу суеверию дают его знаменитые «Центурии», в которых есть, между прочим, предсказания о революции 1789 года и Наполеоне… Разумеется, правдивость предсказаний зависит от догадливости читателей.

13

L e L a b o u r e u r. Addition aux Memoires de Castelnau.T. II, p. 903.

14

Кардинал был отравлен по повелению Екатерины Медичи 14 февраля 1571 г.

15

Он уехал в Рим в последних числах мая 1572 года, и во время Варфоломеевской ночи его не было в Париже, хотя кардинал этот был одним из главнейших организаторов этой резни, задуманной еще в Блуа зимой 1571 года.

16

Отравление посредством духов, весьма обыкновенное в Италии, было введено во Франции стараниями екатерины Медичи. Каждый, мало-мальски знакомый с медициной, без труда поймет, что при вдыхании яда прежде всего поражаются легкие. Смерть – неизбежный исход подобного рода воспаления, настоящая причина которого легко может укрыться от исследований самого опытного анатома.

17

Сын покойного Франциска, убитого Польтро дю Мере. Подробная биография Генриха Гиза излагается в обозрении следующего царствования.

18

Побочный сын Генриха II и Сары Флеминг-Левистон. Мы заменили французское слово batard равнозначным русским простонародным термином, который по своей верности и некоторой благопристойности заслуживает права гражданства в разговорном языке.

19

Морвель, разумеется, не был подвергнут наказанию и после неудачного своего покушения спокойно приютился в доме Гиза. Все обещания Карла IX отыскать злодея и примерно его наказать были комедией, в которой король прекрасно играл «свою рольку» (son petit rolet).

20

По словам некоторых историков, у трупа Колиньи отрубили голову и принесли ее показать Карлу IX и екатерине, а потом, набальзамировав ее, отослали к Папе Григорию XIII. Это клевета и излишняя грязная прибавка к факту, и без того возмутительному. если бы голова у трупа была отрублена, Карл не ездил бы смотреть труп, повешенный в Монфоконе. Бальзамировать же голову адмирала нельзя было по той причине, что лицо его было в нескольких местах прорублено.

21

Simon G o u l a r d. Thrиsor d’histoires admirables et memorables. P., 1617, 2 v. in 8. T. I. P. 264, также: Melange de Camusat. P. 22 et seq.

Brantome: edition de Paris, 1787. T. VIII. P. 204.

23

Economie royales de Sully, T. II, seconde partie. Chapitre 96.

24

Папа Пий V умер за четыре месяца до Варфоломеевской ночи, 19 апреля 1572 года.

25

Talis erat quendam vultu Colignius heros, Quem vera illustrem vitaque morsque facit.